

The background of the cover is a detailed illustration. In the foreground, a woman with dark, curly hair is seen from the back, looking towards the right. She wears a dark, patterned cloak with a large, ornate silver brooch on her back. A black cat sits beside her, also looking right. To the left, a glowing street lamp is partially visible. In the background, a fantastical city is depicted. On the right, a large, multi-story Victorian-style house with many lit windows sits on a hill. A blue street sign with the number '1' is on a post nearby. In the distance, a city skyline with tall, modern skyscrapers is visible under a twilight sky with clouds, birds, and a crescent moon with a halo.

Даурания Торн

ВЕДЬМА
из Подмосковья.

Книга 1.

Тридесятая улица, дом 1.

Истории, которые остаются с тобой

Даурания Торн

**Ведьма из Подмосковья.
«Тридесятая улица, дом 1.»
Книга 2: «Пепел и корни.»**

«Автор»

2026

Торн Д.

Ведьма из Подмосковья. «Тридесятая улица, дом 1.» Книга 2:
«Пепел и корни.» / Д. Торн — «Автор», 2026

Алиса Митрофанова уже не та офисная мышка, что боялась начальницы. Она — ведьма с Тридесятой улицы, хозяйка дома, где говорящий кот Мирон и домовый Андрон стали её семьёй. Но покой в Волшебном Доме — вещь хрупкая. В лесу появляется новый дух — маленькая, непослушная Буся, которая слышит то, что не слышат другие, и поёт так, что даже разломы затихают. А вместе с ней в жизнь Алисы входит тот, кто называет себя коллекционером: Прохоров, человек с чёрными руками и холодом в рукаве. Он знает о доме то, чего не знает даже Заряна. Под полом, в самом сердце дома, просыпается семя Миражи — первой хозяйки, которую стёрли из памяти за предательство. И теперь Алисе предстоит узнать: почему перстень Миражи признал её, кто носил его до неё и какую цену придётся заплатить, чтобы дом устоял. Вторая книга серии «Тридесятая улица» — это новые загадки, старые тайны и выбор, который определит, кем станет Алиса: ведьмой, что боится, или той, что умеет защищать.

© Торн Д., 2026

© Автор, 2026

Даурания Торн

Ведьма из Подмосковья. «Тридесятая улица, дом 1.» Книга 2: «Пепел и корни.»

**Ведьма из Подмосковья.
«Тридесятая улица, дом 1.»
Книга 2: «Пепел и корни.»**

аннотация

Алиса Митрофанова уже не та офисная мышка, что боялась начальницы. Она — ведьма с Тридесятой улицы, хозяйка дома, где говорящий кот Мирон и домовый Андрон стали её семьёй. Но покой в Волшебном Доме — вещь хрупкая.

В лесу появляется новый дух — маленькая, непослушная Буся, которая слышит то, что не слышат другие, и поёт так, что даже разломы затихают. А вместе с ней в жизнь Алисы входит тот, кто называет себя коллекционером: Прохоров, человек с чёрными руками и холодом в рукаве. Он знает о доме то, чего не знает даже Заряна.

Под полом, в самом сердце дома, просыпается семя Миражи — первой хозяйки, которую стёрли из памяти за предательство. И теперь Алисе предстоит узнать: почему перстень Миражи признал её, кто носил его до неё и какую цену придётся заплатить, чтобы дом устоял.

Вторая книга серии «Тридесятая улица» — это новые загадки, старые тайны и выбор, который определит, кем станет Алиса: ведьмой, что боится, или той, что умеет защищать.

Оглавление

«Тридесятая улица, дом 1: Пепел и корни»

Глава 1. В которой появляется Буся, а Алиса узнаёт, что пропажа носков — не самое страшное

Глава 2. В которой Буся показывает, что она не просто пушистый комок, а Алиса слышит шёпот северной границы

Глава 3. В которой Алиса узнаёт, что зеркала плачут не просто так, а Буся знакомится с господином Усачом

Глава 4. В которой отряд выходит к северной границе, а чёрные цветы оказываются не просто цветами

Глава 5. В которой гость оказывается холоднее, чем кажется, а старый гребень хранит не только волосы

Глава 6. В которой тропа оживает, а Буся узнаёт, что у страха глаза велики, зато у храбрости лапки маленькие

Глава 7. В которой Заряна вспоминает, что значит быть ведьмой, а Прохоров показывает свою коллекцию

Глава 8. В которой Алиса помогает домашнему духу найти дитя, а Буся снова слышит зов

Глава 9. В которой Буся учится слушать, а время начинает вести себя странно

Глава 10. В которой Андрон прощается с очагом, а у разлома появляется страж

Глава 11. В которой Андрон просит прощения у очага, а Заряна находит то, что искала всю жизнь

Глава 12. В которой ключ открывает не дверь, а прошлое, а гость приносит с собой тишину

Глава 13. В которой тишина оказывается громче крика, а голос Буси обретает силу

Глава 14. В которой отражения уходят в никуда, а Маргарита Гольц вновь напоминает о себе

Глава 15. В которой дом вспоминает старые песни, а Заряна находит неожиданного союзника

Глава 16. В которой отряд уходит за грань, а Андрон остаётся один на один с тем, что притаилось в темноте

Глава 17. В которой библиотека раскрывает тайны, а Андрон встречает ночного гостя

Глава 18. В которой библиотека отдаёт не только книги, а дом держит осаду

Глава 19. В которой травы в лавке Алёны поют не в лад, а Алиса находит то, что искала не там

Глава 20. В которой тени оживают, папоротник не хочет цвести, а Гольц выбирает момент

Глава 21. В которой Зал Теней показывает каждому своё, а Гольц делает ход

Глава 22. В которой дом пылает, но не сгорает, а Буся впервые видит, как умирает страх

Глава 23. В которой время в деревне Крапивное сходит с ума, а Буся знакомится с дедом, который всегда знает, который час

Глава 24. В которой железная клетка поёт, а гостя ищет пропавшего хранителя

Глава 25. В которой удача пахнет воском, а подпол вспоминает старое

Глава 26. В которой перстень вспоминает, а Прохоров выходит из тени

Глава 27. В которой старые вещи помнят, а логово врага оказывается ближе, чем думали

Глава 28. В которой отряд выходит к оврагу, а Буся узнаёт, что даже у троп есть чувства

Глава 29. В которой жезл не хочет сгорать, а Прохоров предлагает сделку

Глава 30. В которой Осина рассказывает о Мираже, а Буся слышит лишнее

Глава 31. В которой ящик открывается, а в доме становится слышно то, что прятали

Глава 32. В которой подпол раскрывает росток, а Андрон говорит чужим голосом

Глава 33. В которой открываются старые раны, и дом впервые заговаривает сам

Глава 1. В которой появляется Буся, а Алиса узнаёт, что пропажа носков — не самое страшное

Прошло несколько недель после того, как Алиса Митрофанова спустилась в подземелья Коломенского и вернулась оттуда живой, хотя и слегка опалённой. Весна окончательно вступила в свои права: снег сошёл даже в самых глухих оврагах, лес оделся нежной зеленью, а воздух стал тёплым и пьянящим, как парное молоко с мёдом. Волшебный Дом на Тридесятой улице больше не выглядел нахохлившимся стариком; он расправил брёвна, задышал полной грудью и, кажется, стал на пол локтя выше.

Алиса тоже изменилась. Она больше не носила серые юбки-карандаши и не вздрагивала от звонка телефона. Теперь её гардероб состоял из льняных платьев с вышитыми рунами, мягких кожаных сапог, подаренных лешим, и неизменного зелёного огарка, который она носила в кармане, как талисман. В движениях появилась плавность, в голосе — спокойная уверенность, а в глазах — тот самый огонёк, который когда-то зажгла бабка Серафима.

Но если сама Алиса привыкла к своему новому статусу, то её домочадцы — не совсем. Особенно Мирон.

— Это невыносимо! — прорычал кот, врываясь в горницу рано утром, когда солнце только-только позолотило верхушки елей. — Митрофанова, сделай что-нибудь!

Алиса, мирно помешивавшая кашу в печи, обернулась.

— Что случилось?

— Что случилось?! — Мирон вскочил на лавку и с ожесточением принялся вылизывать вздыбленную шерсть. — Эта... эта... как её... опять стащила мой хвост!

— Чей хвост? — уточнила Алиса, уже догадываясь.

— Мой! Мой хвост! — кот повернулся задом, демонстрируя, что кончик его великолепного пушистого хвоста теперь подозрительно мокрый и растрёпанный. — Она его сосёт! Как соску!

Из-за печи послышалось сдавленное хихиканье Андрона.

— А мне он говорил: «Не лезь, это моё личное пространство!» — не удержался домовой. — А тут вдруг приходит и жалуется, что его хвост обсосали. Вот уж не думал, что боевой фамилляр может стать игрушкой.

— Замолчи, борода! — огрызнулся Мирон. — Это не смешно! Она уже три дня меня донимает! Привязалась, как репей: то за усы дёргает, то на спине катается, а теперь — хвост! Она что, не понимает, что я — хищник? У меня репутация!

— Ой-ой-ой, репутация, — Андрон вылез из-за печи, утирая слёзы умиления. — А кто вчера мурлыкал, когда она у него на пузе спала?

— Я не мурлыкал! Это было... это было урчание от возмущения!

— Ну конечно.

Алиса улыбнулась и отставила ложку.

— Позови её сюда, — попросила она.

— Её не нужно звать, — буркнул Мирон. — Она всегда где-то рядом.

И правда: не успел он договорить, как из угла, где стоял старый сундук, донеслось шуршание. Крышка приподнялась, и оттуда высунулась крошечная мордочка — круглая, пушистая, с огромными янтарными глазами и смешно подёргивающимся носом. Существо, похожее одновременно на бельчонка, енота и маленького медвежонка, выбралось наружу и, переваливаясь, направилось к Алисе. Его шёрстка была тёплого орехового цвета с белыми подпалинами, а на спине красовались три тёмные полосы.

— Буся, — укоризненно сказала Алиса, присаживаясь на корточки. — Ты зачем Мирона обижаешь?

Буся остановилась, села на задние лапки и посмотрела на Алису с самым невинным видом, на какой только способно существо с тремя полосками на спине.

— Он сам виноват, — пропищала она тоненьким голоском. — У него хвост вкусный.

— Вкусный?! — взревел Мирон. — Это мой боевой хвост! Он не для еды!

— А для чего? — искренне удивилась Буся. — Он же пушистый. И тёплый. И пахнет валерьянкой.

— Это лечебная мазь! — кот аж подпрыгнул. — От ревматизма! А не валерьянка!

— Ой, да ладно, — отмахнулась Буся. — Вкусно пахнет. И вообще, я тебя люблю.

Мирон поперхнулся.

— Любишь?.. — переспросил он подозрительно.

— Ну да. Ты же мой... мой... — Буся наморщила лобик, подыскивая слово. — Большой полосатый братик!

— Я не полосатый! Я дымчатый! — уже без прежней злости, но всё ещё ворчливо поправил кот. — И я тебе не братик. Я фамилляр. Боевой. Понятно?

— Понятно. Братик-фамилляр, — кивнула Буся и, подскочив, повисла у Мирона на шее, обхватив лапками.

Кот замер. Потом вздохнул, поднял глаза к потолку, словно прося у высших сил терпения, и буркнул:

— Ладно. Только не надо слюней.

Андрон снова захихикал, но уже добрее.

— Вот так и живём, — сказал он, подходя к Алисе. — С утра — боевые действия, к обеду — перемирие. А всё почему? Потому что ты, хозяйка, эту зверюгу в дом притащила.

— Я её не притаскивала, — напомнила Алиса. — Она сама пришла. Точнее, приползла. Из леса, вся мокрая и голодная.

— Ну да, ну да, — Андрон покачал головой. — Только вот я одного не пойму: как обычный зверёк может говорить?

— А я не обычный! — возмутилась Буся, отпуская Мирона и усаживаясь на пол. — Я — дух леса! Мне Осина сказал, что я — хранительница малой тропы. Только я пока маленькая и не умею хранить.

— Вот именно — маленькая, — Мирон наконец-то начал приводить шерсть в порядок. — И хранить тебе нужно не тропу, а мой хвост от твоих же зубов.

— Да не грызу я твой хвост! — обиделась Буся. — Я его просто... дегустирую.

— Чего?!

— Ну, пробую. Как вино.

Мирон закатил глаза.

— Это не вино, это часть моего тела! Если ты его откусишь, чем я буду выражать эмоции?

— А у тебя есть уши, — резонно заметила Буся. — Они тоже выражают.

— Уши — это другое!

Алиса поняла, что пора вмешаться, иначе перепалка затянется до обеда.

— Так, всё, — сказала она твёрдо. — Мирон, Буся, заканчивайте. У нас сегодня, между прочим, посетители могут быть. А вы тут цирк устроили.

— Какие посетители? — насторожился Андрон.

— Не знаю пока. Но огарок с ночи пульсирует, — Алиса коснулась кармана, где лежала свеча. — Значит, кто-то уже идёт. И этот кто-то не в лучшем состоянии.

Буся принялась, смешно задвигая носом.

— Я тоже чую! — заявила она. — Пахнет слезами и... и жжёной кашей!

— Жжёной кашей? — переспросила Алиса.

— Ну да! И ещё немного страхом. Но больше — кашей.

— Странное сочетание, — пробормотал Мирон, забыв про хвост. — Впрочем, люди вообще странные.

— Вот и дождёмся, — Алиса вернулась к печи. — Андрон, ставь чайник. И достань из сундука запасное полотенце — если гость промок, понадобится.

— А мне? — спросила Буся.

— А тебе — хорошее поведение.

— Это скучно, — вздохнула Буся и, забравшись на лавку, свернулась калачиком рядом с Мироном.

Кот покосился на неё, но отодвигаться не стал. Только хвост прижал к себе поближе.

Гость появился часа через два. И он действительно был в плачевном состоянии: молодой мужчина, промокший до нитки, с синяком под глазом и таким лицом, будто ему только что сообщили, что его любимая футбольная команда проиграла. Одет он был в мятую рубашку и джинсы, на ногах — один кроссовок, второй он, видимо, потерял где-то в лесу. В руках мужчина сжимал обгоревшую сковородку.

— Здравствуйте, — произнёс он, стуча зубами. — Это... это ведьмин дом?

— Это дом, — ответила Алиса, распахивая дверь. — Заходите. Вы продрогли.

Мужчина вошёл, и в горнице сразу запахло сыростью и горелым маслом. Буся, сидевшая на лавке, чихнула.

— Фу, — сказала она. — Точно, жжёная каша.

— Это не каша, — мрачно ответил гость, ничуть не удивившись говорящему зверьку. — Это... это мой дом.

— Что, весь дом? — не поняла Буся.

— Сковородка, — пояснил мужчина. — Это всё, что осталось от моего дома. И от меня, кажется.

Алиса усадила его к столу, накинула на плечи полотенце и налила горячего взвара. Мужчина сделал несколько глотков, постепенно приходя в себя. Звали его Семён. Семён Ткачёв. Жил он в посёлке Лесные Дали, что километрах в десяти от Тридесятой улицы, и работал поваром в небольшом семейном кафе.

— Три дня назад всё было нормально, — рассказывал он, сжимая кружку. — Я готовил ужин, жарил картошку. Вдруг плита как полыхнёт! Я отскочил, а огонь... огонь не обжёт. Он был... зелёный. И холодный. Я попытался потушить, а он не тушится. Я водой — а он только шипит, как змея. И потом... потом из огня появилось лицо.

— Чьё? — спросила Алиса.

— Женское. Старое. Злое. Оно посмотрело на меня и сказала: «Верни то, что взял». И исчезло. А огонь сжёг всё: кухню, комнату, вещи. Всё, кроме этой сковородки. Она почему-то уцелела.

Семён поставил сковородку на стол. Она была обычной, чугунной, но по краю её шла странная трещина, из которой, если приглядеться, сочился слабый зеленоватый дымок.

— Вы взяли что-то, что вам не принадлежало? — спросила Алиса.

— Я? Нет! Ничего. Только... — он замялся, — только неделю назад нашёл на дороге старую монету. Медную, с дыркой. Подобрал. Думал, на счастье.

— Где эта монета?

Семён сунул руку в карман и вытащил маленький, потёртый кругляшок. Алиса, едва взглянув на него, почувствовала, как огарок в её кармане резко потеплел. Монета была не просто старой. Она была чужой. И та, кто её потеряла, была очень злой.

— Это монета-оберег, — тихо сказала подошедшая Заряна, которая всё это время сидела в углу с книгой. — Её клали в печь, чтобы задобрить духа огня. Если забрать её — дух разгневется и сожжёт всё, что ему не принадлежит.

— Но я не знал! — воскликнул Семён.

— Духи этого не знают, — Заряна покачала головой. — Им всё равно. Ты взял — верни.

— Как? Сжечь её? Выбросить?

— Нужен ритуал возврата, — Алиса встала и подошла к шкафу с травами. — Мы вернём монету духу огня. Но не здесь. Там, где ты её взял. У тебя в посёлке.

Семён побледнел.

— Там мой дом сгорел. И, наверное, дух всё ещё там.

— Вот и отлично. Значит, он примет монету обратно.

Алиса повернулась к своим.

— Мирон, Буся, вы со мной. Андрон, оставайся.

— А я? — спросила Заряна.

— Ты нужна здесь. Если кто-то ещё придёт — прими.

— Хорошо.

Мирон спрыгнул с лавки.

— Наконец-то дело! А то сидим, хвосты дегустируем.

Буся надулась.

— Я не дегустирую! Я... люблю!

— Ладно, любовь моя, — кот вздохнул. — Только в этот раз без фокусов. Мы идём к злему духу, а не на прогулку.

— А я злых духов не боюсь! — заявила Буся. — Я сама дух! Только маленький.

— Вот именно, что маленький, — Мирон покосился на неё. — Иди сюда, я тебя на спину возьму.

Буся просияла и мигом запрыгнула коту на спину, вцепившись лапками в шерсть.

— Поехали!

Алиса улыбнулась. Если уж кот позволил на себе кататься — значит, дела не так уж плохи.

Они вышли из дома втроём (плюс Буся на Мироне). Лес встретил их прохладой и запахом мокрой хвои. Где-то высоко перекликались птицы. Тропинка, ведущая к посёлку Лесные Дали, была узкой, но натоптанной, и идти по ней было легко.

Всю дорогу Буся без умолку болтала, задавая Мирону вопросы:

— А дух огня — он какого размера?

— А у него есть хвост?

— А он любит, когда его чешут за ухом?

— А если ему дать сметаны, он подбреет?

Мирон сначала отвечал односложно, потом начал ворчать, а под конец и вовсе замолчал, только уши нервно подёргивались. Алиса шла следом и улыбалась. Ей нравилось, что в Доме появился этот непоседливый комочек шерсти. С ним даже самые страшные дела казались чуть менее страшными.

Посёлок встретил их тишиной. Дом Семёна, вернее то, что от него осталось, стоял на краю улицы — почерневшие брёвна, закопчённые оконные проёмы и запах гари, который, казалось, впитался в саму землю. Семён, шедший впереди, остановился.

— Вот, — сказал он, сглатывая. — Здесь.

Алиса достала огарок, и тот сразу вспыхнул зелёным, но каким-то тревожным, нервным светом.

— Дух всё ещё здесь, — прошептала она. — Злится.

— А может, поговорим? — предложила Буся, прыгнув с Мирона. — Я умею договариваться! Однажды договорилась с белкой, чтобы она отдала мне орех. Правда, она потом за мной гонялась, но это мелочи.

— Думаю, с духом огня беличьи методы не сработают, — Мирон заслонил её собой.

— Это почему?

— Потому что у белки нет огненной бороды и способности сжигать дома.

— Ой, — Буся на мгновение притихла, но потом снова высунулась. — А давайте я ему монетку отдам? Я маленькая, он меня не тронет.

— Даже не думай, — отрезала Алиса.

Она вытащила из сумки монету, которую дал Семён, и сжала в кулаке. Потом закрыла глаза и начала читать заклинание из книги Серафимы — то самое, что было помечено как «возврат оберега духу стихии». Слова были гортанными, тягучими, и с каждым словом воздух вокруг сгушался.

Из руин дома поднялся столб зеленоватого пламени — высокий, до неба. Внутри него смутно угадывалась фигура: высокая, худая, с длинными волосами-языками огня. Дух смотрел на Алису, и взгляд его был обжигающим.

— Ты принесла то, что украли, — произнёс он голосом, похожим на треск поленьев.

— Да, — Алиса разжала ладонь. — Это твоё. Забирай.

Она бросила монету в огонь. Та взлетела, закружилась и с тихим звоном влилась в ладонь духа. Пламя дрогнуло и начало опадать.

— Благодарю, ведьма, — прошелестел дух. — Твой дом всегда будет гореть ровно. А этого человека я больше не трону.

Он исчез, оставив после себя только запах дыма и тихий, почти мирный треск остывающих углей.

Семён, стоявший сзади, шумно выдохнул и опустился на землю.

— Всё? Это всё?

— Всё, — Алиса повернулась к нему. — Монета вернулась. Дух успокоился. Но дом вам придётся отстраивать заново.

— Спасибо, — прошептал Семён. — Я... я не знаю, как вас благодарить.

— Пирогам, — неожиданно подала голос Буся. — С яблоками. Или с капустой. Или с мясом. Или со всем сразу.

— Обязательно, — улыбнулся Семён, всё ещё дрожащими руками вытирая лицо. — Как только появятся деньги — напеку.

На обратном пути Буся ехала на Мироне и рассуждала о том, какой пирог лучше: с яблоками или с капустой. Мирон в кои-то веки не ворчал, а лишь изредка поддакивал. Алиса шла рядом и думала, что, кажется, этот день прошёл не зря.

А вечером, когда они вернулись домой, их ждал Андрон с новостью:

— Пока вас не было, — сообщил он, — к нам заглядывал Осина. Сказал, что у северной границы леса опять начались странные вещи. Птицы летят не в ту сторону. А из-под земли по ночам слышен шёпот.

— Какой шёпот? — насторожилась Алиса.

— Говорит, похоже на то, что вы слышали перед тем, как открылась дверь.

Алиса переглянулась с Мироном.

— Значит, не всё закончилось, — тихо произнесла она.

— Похоже, только начинается, — ответил кот.

А Буся, не обращая внимания на тревожные разговоры, уже устроилась на подоконнике, свернувшись калачиком, и тихо посапывала, изредка подёргивая лапками во сне. И, глядя на неё, Алиса подумала, что даже в самые тёмные времена найдётся место для маленького пушистого чуда.

Конец первой главы.

В следующей главе: Алиса и её команда отправляются к северной границе, чтобы узнать природу шёпота, а Буся впервые покажет, что она не просто милая зверюшка, а настоящий дух леса, пусть и маленький. Также появится новый посетитель с бедой, которая потребует сложного ритуала.

Глава 2. В которой Буся показывает, что она не просто пушистый комок, а Алиса слышит шёпот северной границы

Утро началось не с будильника и не с солнечного луча. Оно началось с грохота.

Алиса подскочила на лавке, разбуженная звоном, треском и чьим-то возмущённым воплем. Первая мысль была: «Опять Гольц». Вторая: «Нет, у Гольца хотя бы есть манеры». Вопль повторился, и теперь в нём ясно слышалось:

— Отдай! Отдай, кому говорю! Это не игрушка!

— А что это? Оно блестит!

— Это боевой амулет! Ему триста лет! Положи на место, несносное создание!

Алиса, накинув шаль, вышла в горницу и замерла. Мирон, взъерошенный до состояния одуванчика, стоял на столе, прижимая лапой к столешнице маленький кожаный мешочек. Буся, повиснув на другом конце этого мешочка, тянула его на себя и при этом успевала весело болтать:

— Ну отдай, ну пожалуйста! Я только посмотреть! Я не съем! Честно-честно!

— Ты вчера говорила, что не будешь дегустировать мой хвост, а сама весь вечер его облизывала! — парировал кот, не разжимая лапы.

— Это было в знак любви!

— В знак любви дарят рыбу! А не облизывают боевые артефакты!

Андрон, сидевший на лавке с кружкой взвара, наблюдал за сценой с выражением человека, который уже ничему не удивляется.

— Доброе утро, хозяйка, — произнёс он, не отрываясь от зрелища. — Вот, полюбуйся. Два духа — и оба как дети малые. Один амулет не поделили.

— Я не дух! — огрызнулся Мирон. — Я фамилляр! Это разные вещи!

— А я дух! — с гордостью заявила Буся и, улучив момент, рванула мешочек на себя. Тот с треском разошёлся по шву, и из него на стол посыпались маленькие, тускло светящиеся камешки.

На мгновение все замерли. Потом Мирон медленно, очень медленно перевёл взгляд с пустого мешочка на рассыпанные камешки, затем на Бусю. Его глаза превратились в две узкие щёлочки.

— Ты... — начал он тихо, и от этого тихого голоса стало страшнее, чем от любого крика, — ты разорвала боевой амулет. Тот самый, который я берёг со времён Серафимы. Тот, что должен был защитить нас в час великой нужды.

Буся, осознав масштаб катастрофы, села на попу и прижала уши к голове.

— Я не хотела, — пролепетала она. — Оно само порвалось.

— Амулеты не рвутся сами! — Мирон начал закипать. — Их рвут маленькие наглые существа, которые не умеют слушать!

Алиса поняла, что ещё немного — и в доме начнётся первая за утро магическая битва. Она подошла к столу, сгребла рассыпанные камешки в ладонь и поднесла к свету.

— Они не разбиты, — спокойно сказала она. — Все семь на месте. Просто нить, на которую были нанизаны, сгнила от времени. Буся не виновата. Она просто ускорила неизбежное.

— То есть я зря орал? — подозрительно уточнил Мирон.

— Ну, не совсем зря. Профилактика дисциплины никогда не помешает.

Буся, поняв, что казнь отменяется, тут же приободрилась и подползла к Алисе.

— А можно мне один камешек? — заискивающе спросила она. — Ну ма-а-аленький. Я его буду хранить. Как талисман.

— Зачем тебе талисман?

— Чтобы защищать дом! — с жаром воскликнула Буся. — Я же дух-хранительница! Ну, почти. Мне положено!

Мирон фыркнул, но, кажется, уже остыл.

— Хранительница, — проворчал он. — Хранительница моего терпения.

— И его хвоста! — добавил Андрон и сам же захихикал.

Алиса переглянулась с Заряной, которая всё это время сидела у окна с книгой и тихо улыбалась.

— Ладно, — сказала Алиса. — Камешки я пока уберу в сундук. Нить заменим. А тебе, Буся, если хочешь быть полезной, — вот тебе настоящее задание: выучи первое правило дома.

— Какое? — Буся аж подпрыгнула.

— Не хватать без спроса то, что не принадлежит тебе.

— А если оно принадлежит всем?

— Тогда спросить.

— А если все спят?

— Тогда дожидаться утра.

— А если утро не наступит?

— Наступит. У нас, знаешь ли, всегда наступает.

Буся задумалась, потом кивнула.

— Хорошо. Я буду спрашивать. Но только если это не срочно.

— Договорились.

Завтрак прошёл почти мирно. Почти — потому что Буся, пытаясь доказать свою полезность, вызвалась помогать Андрону накрывать на стол и в результате уронила горшочек с мёдом, облила себя молоком и едва не подожгла скатерть, слишком близко подойдя к свече. Андрон, отобрав у неё посуду, усадил зверька на лавку и вручил ей деревянную ложку — как выяснилось исключительно для того, чтобы занять лапки.

— Вот, — сказал он, — сиди и стучи по миске. Музыку разводи.

— А можно я лучше помогу резать хлеб? — с надеждой спросила Буся.

— Нет!

— А тесто месить?

— Нет!!

— А пол подметать?

— Ты вчера подметала! Я потом полдня веник искал! Он у тебя в зубах был!

— Я его как добычу несла! Это инстинкт!

— У тебя инстинкт — безобразие! — отрезал домовый.

Мирон, наблюдая за этой сценой, мстительно усмехнулся в усы.

— Что, Андронушка, — елеинным голосом произнёс он, — а ты говорил «игрушка». Вот и получай игрушку.

— Замолчи, полосатый, — огрызнулся домовый. — Это наша общая игрушка.

— Я не игрушка! — возмутилась Буся. — Я — дух леса!

— Дух — это состояние души, — философски заметил Мирон. — А игрушка — это состояние тела. У тебя тело игрушечное.

Буся надулась так, что стала похожа на мохнатый колобок с лапками.

— Вот пойду к Осине и пожалуюсь! — пригрозила она.

— Осина сам к нам придёт, — неожиданно серьёзно сказала Алиса, поднимаясь из-за стола. — Я чувствую. Он уже близко.

И правда: не прошло и десяти минут, как в дверь постучали — три глухих, размеренных удара, какие бывают, когда стучит рука с ладонью из коры.

Осина вошёл, пригнувшись в дверном проёме, и сразу заполнил собой половину горницы. Он был мрачнее обычного: мох на его плечах потемнел, а в глазах, зелёных, как весенняя листва, тлела тревога.

— Северная граница, — произнёс он без предисловий. — Шёпот усилился. Прошлой ночью он перешёл в слова.

— Какие слова? — спросила Алиса.

— Я не разобрал. Древние. Гортанные. Но одно повторялось снова и снова. Оно звучало как... «иди».

— Кому «иди»?

— Не знаю. Может, тебе. Может, тем, кто слушает. Может, тем, кто уже идёт.

Алиса переглянулась с Мироном. Кот был серьёзен, как перед боем.

— Шёпот из-под земли, — медленно произнесла она. — Это не Существо. Существо спит под Москвой. А это северная граница, за несколько километров отсюда. Другое место.

— Или то же самое, только корни тянутся шире, — добавила Заряна, откладывая книгу. — То, что мы закрыли дверь в Коломенском, не значит, что выхода больше нет. Возможно, там, на севере, открывается новая рана.

— Нужно идти, — Алиса поднялась. — Немедленно.

— Я с вами, — Осина выпрямился. — Лес знает дорогу.

— И я! — Буся спрыгнула с лавки. — Я — дух леса! Я нужна!

Мирон хотел возразить, но Алиса остановила его жестом.

— Пусть идёт. Она должна учиться. Но, Буся, — Алиса наклонилась к зверьку, — если я скажу «стой» — ты стоишь. Если я скажу «молчи» — ты молчишь. Понятно?

— Понятно! — Буся закивала так быстро, что её уши захлопали.

— Вот и отлично.

Сборы были недолгими. Алиса взяла огарок, узелок с травами, флягу с водой и, поразмыслив, ту самую монету, которую Семён вернул духу огня — вернее, её точную копию, вырезанную из воска. Она не знала, зачем. Просто внутренний голос подсказал.

— Андрон, оставайся за старшего, — сказала она уже в дверях.

— Да что ж такое, — проворчал домовый, — вечно я остаюсь. Может, хоть раз меня в поход возьмёте?

— Кто-то же должен хранить очаг.

— Очаг похранит и сам! Он у нас умный!

— Андрон, — Алиса подошла и погладила его по лохматой голове, — ты не просто хранишь очаг. Ты хранишь дом. А дом без тебя — просто брёвна. Понимаешь?

Домовой потупился, но в глазах его засветилась гордость.

— Ну, раз так... идите. Только возвращайтесь скорее. И чудище это мохнатое берегите. Оно, конечно, надоеда, но... своё уже.

— Своё, — улыбнулась Алиса.

Северная граница леса встретила их тишиной. Не той живой тишиной, которая наполнена дыханием зверей и шелестом листвы, а глухой, ватной, как перед сильной грозой. Деревья здесь стояли плотной стеной, и их ветви переплетались так густо, что даже дневной свет проникал сюда с трудом.

— Здесь всегда было так? — тихо спросила Алиса.

— Нет, — так же тихо ответил Осина. — Раньше тут пели соловьи. Теперь — только шёпот.

Они вышли на небольшую поляну, поросшую черничником и папоротником. Посреди поляны, из земли, торчал большой валун, расколотый надвое, словно кто-то ударил по нему исполинским топором. Из трещины поднимался лёгкий, едва заметный пар.

— Здесь, — Осина указал на валун. — Шёпот идёт отсюда.

Алиса подошла ближе и приложила ладонь к камню. Тот был холодным, но не мёртвым. Внутри, в самой сердцевине, что-то слабо пульсировало. И это «что-то» было ей знакомо.

— Это не Существо, — прошептала она. — Это... семя.

— Семя чего? — спросил Мирон.

— Деревя. Очень старого. Того, что росло здесь до леса. Его корни уходят вглубь на сотни метров. И оно... зовёт.

— Кого?

Алиса не успела ответить. Из-под земли донёсся звук — не шёпот, а скорее стон. Низкий, протяжный, полный такой тоски, что у всех четверых сжались сердца.

— Иди, — прозвучало из трещины. — Иди ко мне.

Буся вдруг вырвалась из-за спины Мирона и бросилась к валуну.

— Буся! — крикнул кот, но было поздно.

Зверёк прижался к холодному камню, обхватив его лапками, и замер. На мгновение показалось, что она тоже стала частью валуна. Потом её шерстка вспыхнула мягким, золотистым светом, и из трещины навстречу ей поднялся такой же золотистый росток — тонкий, хрупкий, тянущийся к свету.

— Я слышу, — прошептала Буся. — Оно не зовёт наружу. Оно зовёт вниз.

— Что это значит? — не понял Осина.

— Оно хочет, чтобы его корни снова соединились с землёй. Но кто-то вырвал один корень. И теперь дерево болеет. А вместе с ним — вся северная граница.

Алиса переглянулась с Мироном. По спине пробежал холодок.

— Корень-хранитель, — произнесла она. — Тот, что мы вернули Игорю. Это не случайность. Дерево на северной границе и корень, найденный на даче, — они связаны.

— И кто-то знал об этом, — медленно добавил кот. — Кто-то специально вырвал корень, чтобы дерево ослабло.

— И когда дерево ослабнет, граница падёт.

Буся оторвалась от валуна и повернулась к ним. Её глаза, обычно весёлые и озорные, теперь были серьёзными, как у взрослого зверя.

— Мы должны помочь ему, — сказала она. — Я... я слышу его боль. Оно плачет.

Мирон подошёл к ней и, к всеобщему удивлению, лизнул её в лоб.

— Ты сегодня молодец, мелочь, — тихо сказал он. — Настоящий дух.

Буся удивлённо моргнула, а потом, впервые за всё время, не нашлась, что ответить.

Алиса опустилась на колени у валуна и положила руку на тёплый росток.

— Мы вернёмся, — пообещала она. — Мы найдём способ тебя исцелить.

Из трещины снова донёсся шёпот, но теперь он был другим — не зовущим, а благодарным.

Обратно шли молча. Каждый думал о своём. Мирон — о том, что Буся впервые показала себя не просто забавной зверушкой, а существом с настоящей силой. Осина — о том, что его лес снова в опасности, но теперь у него есть союзники. Алиса — о том, как всё связано: корни, деревья, границы, люди, духи. И о том, что враг, укравший корень-хранитель, не остановится.

Только когда впереди показалась крыша Волшебного Дома, Буся нарушила тишину:

— А можно я сегодня буду спать на твоём хвосте? — спросила она Мирона.

Кот закатил глаза, но ответил:

- Только если не будешь дегустировать.
- Честное слово! — Буся прижала лапку к груди. — Только понюхаю.
- Нюхать тоже нельзя!
- А глазом?
- Глазом можно. Одним. И только левым.
- А почему левым?
- Потому что правый у тебя слишком наглый.

Буся захихикала, и этот смех разрядил напряжение лучше любых заклинаний.

А дома их уже ждал Андрон с кипящим самоваром, свежими пирожками и новостью:

— Пока вас не было, приходила женщина из посёлка. Просила помочь. Говорит, у неё в доме зеркала плачут.

— Плачут? — переспросила Алиса.

— Ну да. Слезы текут. Вода солёная. И отражения... не её.

Алиса вздохнула и повесила полушубок на крюк.

— Что ж, — сказала она, — видимо, день ещё не закончился.

— А у ведьмы он когда-нибудь заканчивается? — усмехнулся Мирон.

— Никогда, — ответила Буся, уже забравшаяся на лавку и свернувшаяся калачиком. —

Ведьма — это навсегда.

И в этом была вся правда.

Конец второй главы.

В следующей главе: Алиса отправляется к женщине с плачущими зеркалами, чтобы выяснить, кто смотрит на неё из зазеркалья. А тем временем у северной границы происходит нечто, что заставит всех духов леса поднять голову.

Глава 3. В которой Алиса узнаёт, что зеркала плачут не просто так, а Буся знакомится с господином Усачом

Утро следующего дня выдалось такое прозрачное и тихое, что хотелось разговаривать только шёпотом, а лучше — вовсе молчать, слушая, как просыпается лес. Солнце поднималось над еловыми макушками медленно, словно нехотя, и его лучи, ещё не набравшие дневной силы, мягко золотили мокрую от росы траву. Пахло смолой, молодым папоротником и той особенной, ни с чем не сравнимой свежестью, какая бывает в лесу только после ночного тумана.

Алиса вышла на крыльцо с кружкой взвара в руке. На ступеньке, свернувшись в пушистый клубок, спала Буся. Во сне она смешно дёргала задней лапкой и тихонько попискивала. Рядом, на перилах, как изваяние, сидел Мирон и смотрел на неё с выражением, в котором причудливо смешались умиление, раздражение и что-то похожее на гордость.

— Она опять во сне разговаривает, — сообщил кот, не поворачивая головы. — Бормочет что-то про жёлуди и говорящие пни.

— Пусть спит, — улыбнулась Алиса. — У неё был трудный день. Она, между прочим, спасла нам голову.

— Ну, спасла — это громко сказано, — Мирон всё-таки повернулся. — Скорее, внесла сумбур. Но, признаю, в ней есть что-то. Какая-то искра. Такая же, как была у Серафимы, только ещё маленькая и очень наглая.

— Ты просто боишься признать, что привязался.

— Я боевой фамилляр. Я не привязываюсь. Я тактически заинтересовываюсь.

— Ну-ну, — Алиса сделала плоток. — А то, что ты ей хвост отдал вчера, — это тоже тактическая заинтересованность?

— Я не отдавал! Она сама взяла!

— Ты не убрал.

Мирон не нашёлся с ответом и снова уставился на Бусю. Та, почувствовав внимание, открыла один глаз, потом второй, сладко зевнула и села, почёсывая за ухом.

— Доброе утро! — пропищала она. — А мне снилось, что я — большое дерево. Ветки у меня были — во! Корни — во! И на мне сидел филин и рассказывал анекдоты.

— Какие анекдоты? — недоверчиво спросил Мирон.

— Не помню. Помню только, что смешные. Особенно про зайца и лису. Хотя, может, это был не филин, а ты. Ты умеешь рассказывать анекдоты?

— Я умею только разочаровываться.

— Ой, — Буся наклонила голову. — А разочаровываться — это как?

— Это когда ждёшь, что день будет спокойным, а потом в доме появляется мохнатое недоразумение, которое поёт по ночам.

— Я не пою! Я... издаю звуки.

— Вот именно.

Алиса, понимая, что перепалка может затянуться, поставила кружку на перила и хлопнула в ладоши.

— Так, всё. Подъём. У нас сегодня дело: идём в Заречье, к женщине с плачущими зеркалами. Андрон уже собрал сумку.

— А можно мне сначала позавтракать? — жалобно спросила Буся.

— А ты уже завтракала. Во сне. Видела, как у тебя рот двигался.

— Это я жёлудь жевала! — обиделась Буся. — Во сне жёлуди не настоящие, они не считаются.

— Ладно, возьмишь с собой лепёшку, — сдалась Алиса. — Только не кроши на Мирона.

— Я не крошу. Я аккуратно.

— Ты вчера умудрилась крошками засыпать всю лежанку.

— Это была не я. Это лепёшка сама.

Мирон закатил глаза и спрыгнул с перил.

— Пойдём, горе моё. Только держись рядом и не нюхай ничего подозрительного.

— А что значит «подозрительное»? — Буся посеменила за ним, смешно переваливаясь на коротких лапках.

— Всё, что движется и не является мной.

— А если это Алиса?

— Алиса движется, но это не подозрительно.

— А если это Андрон?

— Андрон не движется. Андрон сидит дома и изображает предмет интерьера.

Из-за двери донёсся возмущённый голос Андрона:

— Я всё слышу, полосатый! И я не предмет! Я — хранитель очага!

— Хранитель очага, который подслушивает, — парировал Мирон.

— Это не подслушивание! Это бдительность!

Дорога до Заречья была неблизкой, но приятной. Лес постепенно редел, уступая место заливным лугам, на которых уже поднялась первая, изумрудная трава. Кое-где цвели одуванчики, и Буся, увидев их, пришла в полный восторг.

— Смотрите! Жёлтые! Как маленькие солнышки! — закричала она и бросилась нюхать цветы.

— Осторожно, они могут чихнуть, — предупредил Мирон.

— Кто — одуванчики? — не поняла Буся.

— Ну, пыльца. Или пчёлы. Или ты на них наступишь и начнёшь орать.

— Я не наступлю. Я умею ходить.

— Ну-ну.

Алиса, шагавшая впереди, обернулась.

— Кстати, о пчёлах. В Заречье, говорят, пасека хорошая. Может, купим мёда.

— Я не ем мёд, — заявил МIRON.

— А я ем! — воскликнула Буся и подпрыгнула. — И ещё я люблю, когда мёд на хлебе, а потом хлеб в чае, а потом чай на полу.

— Всё с тобой ясно, — вздохнул кот.

Луг сменился полем, поле — берёзовой рощей, за которой и показался посёлок. Заречье оказалось небольшим: два десятка домов, раскиданных вдоль речушки с прозрачной, говорливой водой. На окраине, у самой кромки леса, стоял аккуратный домик с голубыми наличниками и палисадником, в котором уже распускались тюльпаны.

— Это здесь, — сказала Алиса, сверяясь с описанием Андрона.

На крыльцо, слышав шаги, вышла женщина. Ей было лет шестьдесят, невысокая, сухощавая, с туго заколотыми седыми волосами и тревожными, покрасневшими от бессонницы глазами. Одетая она была в тёмную юбку и серую кофту, накинутую на плечи, как плащ. В руках теребила мокрый носовой платок.

— Здравствуйте, — произнесла она тихо. — Вы ведьма? Мне сказали, вы помогаете... с такими вещами.

— Помогаю, — Алиса кивнула. — Я Алиса. А это мои спутники: МIRON и Буся. Не пугайтесь, они не опасны.

— Я не пугаюсь, — женщина слабо улыбнулась. — После того, что я видела в зеркале, меня уже ничем не напугаешь. Меня зовут Валентина Павловна.

Она провела их в дом. Внутри было чисто и уютно, но воздух стоял тяжёлый, застойный, с едва уловимым запахом сырости и соли. На стенах — вышитые полотенца, на подоконниках — герань, на столе — недошитое кружево. И зеркала. Они были везде: в прихожей — большое, в деревянной раме; в горнице — круглое, с потрескавшимся серебром; в спальне — узкое, как бойница.

И все они плакали.

По стеклу стекали крупные, тяжёлые капли. Они собирались внизу, у края рамы, и капали на пол, образуя маленькие лужицы. Вода была солёной — Алиса знала это, даже не пробуя. Такие слёзы бывают только у тех, кто потерял надежду.

— Началось это неделю назад, — рассказывала Валентина Павловна, кутаясь в кофту. — Сначала я думала — конденсат. Весна, влажность. Потом заметила, что капли тёплые и солёные. А вчера... — она запнулась, — вчера в большом зеркале вместо моего отражения я увидела её.

— Кого — её? — спросила Алиса.

— Женщину. Молодую. В старинном платье. Она стояла за моей спиной и смотрела на меня. Глаза у неё были... как у утопленницы.

Буся, сидевшая на руках у МIRONа, тихонько ойкнула и спрятала мордочку.

— А я не боюсь, — тут же добавила она шёпотом, но так, чтобы все слышали. — Просто тут пыльно.

— Конечно, не боишься, — МIRON покосился на неё. — Ты же у нас боевой дух.

— Я не боевой. Я — дух-хранительница. Но я ещё учусь хранить. И бояться я тоже учусь. Немножко.

Алиса подошла к большому зеркалу и приложила ладонь к стеклу. Оно было холодным, но не как мёртвый камень, а как вода в проруби — обжигающе-ледяным. Огарок в кармане тотчас отозвался, вспыхнул зелёным, неровным светом.

— Здесь заперта душа, — произнесла Алиса, не оборачиваясь. — Не проклятие. Не сглаз. Кто-то запер в этом зеркале отражение умершей женщины. И теперь оно пытается выбраться.

— Но как оно сюда попало? — спросила Валентина Павловна.

— Это могло случиться очень давно. Возможно, это зеркало было свидетелем чьей-то гибели или обряда. Зеркала, особенно старые, обладают памятью. Иногда в них застревают осколки душ — тех, кто умер перед ними или оставил в них частицу себя. Если такую частицу не отпустить, она начинает плакать. Буквально.

— И что теперь делать?

— Провести обряд освобождения. Но для этого нужно знать имя женщины.

Валентина Павловна побледнела.

— Имени я не знаю. Зеркало досталось мне от бабки, а той — от её бабки. Раньше оно висело в старом доме на берегу. Там, говорят, до революции жила мельничиха. Утонула в реке. Может, это она?

— Узнаем, — Алиса сняла с плеча сумку и выложила на стол травы, маленькую глиняную плошку и бутылёк с родниковой водой. — Мне нужно, чтобы вы отошли к окну и не смотрели в зеркала. Мирон, закрой двери. Буся, сядь на стул и не двигайся. Ты будешь якорем.

— Кем? — Буся удивлённо захлопала глазами.

— Якорем. Тем, кто держит человека в мире живых. Если душа начнёт тянуть меня к себе, ты должна будешь меня окликнуть.

— А можно я вместо этого буду тебя щекотать? — с надеждой спросила Буся.

— Нет.

— А дёргать за подол?

— Нет.

— А просто смотреть с восхищением?

— Смотри. Но молча.

— Молчу! — Буся прижала лапки ко рту.

Алиса расставила вокруг зеркала семь свечей — по числу трав, которые она собирала вчера на закате: зверобой, полынь, крапива, ромашка, мята, душица и тысячелистник. Каждую свечу она окунула в настой и зажгла от зелёного огарка. Пламя у свечей получилось странное — не жёлтое и не голубое, а серебристо-зелёное, с искрами.

Потом она налила в плошку родниковую воду, размешала в ней щепотку соли и начала читать заговор. Слова были из книги Серафимы — той самой главы, что называлась «О запертых отражениях». Они лились негромко, но весомо, и с каждым словом в комнате становилось всё холоднее.

Слёзы на зеркале потекли сильнее. Стекло запотело, пошло рябью, и в глубине, как из тумана, проступила фигура. Высокая, тонкая, в длинном светлом платье. Лицо бледное, с большими тёмными глазами, в которых стояла не злоба — бесконечная, изматывающая тоска.

— Кто ты? — спросила Алиса, глядя прямо в эти глаза.

— Я — Аграфена, — ответила фигура, и голос её донёсся как сквозь воду. — Мельничиха. Утонула в реке в ночь на Ивана Купалу. Но не ушла. Осталась. Заперли меня в этом стекле, как муху в янтаре.

— Кто запер?

— Тот, кто меня утопил. Он испугался, что я вернусь. Принёс зеркало, поставил против меня и прочитал чёрный заговор. С тех пор я здесь. Сто лет. И буду сто, пока кто-нибудь не отпустит.

— Я отпущу, — сказала Алиса. — Но ты должна обещать, что уйдёшь тихо. Без мести. Без злобы.

Аграфена усмехнулась — горько, одними губами.

— Месть? Зачем? Того, кто меня утопил, давно черви съели. А я устала. Мне просто нужно уйти.

— Тогда иди.

Алиса взяла плошку с солёной водой и выплеснула на зеркало. Вода растеклась по стеклу, и на мгновение показалось, что зеркало закипело. Аграфена протянула руку — и Алиса, не думая, коснулась её ладони.

Холод был такой, что перехватило дыхание. Потом — вспышка. И тишина.

Зеркало опустело. Слёзы перестали течь. По стеклу, сверху вниз, медленно стекла последняя капля — и растворилась, не долетев до пола.

Валентина Павловна, всё это время стоявшая у окна, тихо заплакала — уже по-своему, по-человечески.

— Ушла? — прошептала она.

— Ушла, — Алиса обернулась. — Зеркало чисто. Можете не бояться.

Буся, которая весь ритуал просидела, не дыша, вдруг громко выдохнула:

— Уф! Я думала, у меня сердце выпрыгнет! А оно не выпрыгнуло! Оно у меня, оказывается, крепкое!

— У тебя не сердце, а железный мотор, — проворчал Мирон, но в голосе его слышалось явное облегчение.

Алиса между тем собирала вещи. В комнате стало теплее, воздух очистился, и даже герань на подоконнике, кажется, зазеленела ярче.

— Погодите, — Валентина Павловна вдруг подошла к столу и выдвинула ящик. — Вот. Это вам. От души.

Она протянула Алисе маленький свёрток — старую, пожелтевшую от времени карту, перевязанную голубой лентой.

— Что это?

— Карта реки. Мой дед был лоцманом. Говорил, что на этой карте отмечены все броды, все омуты и все места, где берега «дышат». Я думала, брешет. А теперь понимаю — нет. Вам нужнее.

Алиса развернула карту. Это был искусно нарисованный план речной долины, с отметками, подписями и странными значками. Один из значков, у излучины, где река подходила ближе всего к лесу, был обведён красным. Над ним рукой деда было написано: «Здесь земля стонет. Не ходить».

— Спасибо, — серьёзно сказала Алиса. — Это очень ценный подарок.

Когда они вышли из дома, солнце уже поднялось высоко, и воздух над речкой дрожал от тепла. Буся, гордая и счастливая, бежала впереди, периодически оборачиваясь и сообщая:

— Я была якорем! Самым настоящим! Меня даже свечи не сожгли! И я не чихнула!

— Ты вообще чихаешь только тогда, когда жуёшь лепёшку, — заметил Мирон.

— Это потому, что лепёшка щекотная!

На обратном пути, у самой опушки, Буся вдруг остановилась и принялась.

— Там что-то есть, — сказала она, указывая лапкой на куст дикой смородины.

— Опять «что-то»? — насторожился кот. — Если это ёж, я с тобой не разговариваю.

— Нет, не ёж. Это... жук.

Она раздвинула листья и вытащила оттуда большого чёрного жука с длинными усами и блестящей спинкой. Жук солидно шевелил усами, ничуть не смущаясь.

— Смотрите! — Буся поднесла его к лицу. — Это господин Усач! Он будет моим другом!

— У тебя уже есть друг, — ревниво буркнул Мирон.

— Кто?

— Я.

Буся на мгновение растерялась, потом просияла.

— Ты не друг. Ты — братик. А это — господин Усач. Совсем другое.

— И куда ты его денешь?

— Понесу домой! Он будет жить на окне и смотреть, как я сплю.

— Жуки не смотрят. Они жуют.

— Ничего. Пусть жуёт. У нас травы много.

Мирон вздохнул и махнул хвостом.

— Ладно. Но если он поползёт ко мне в миску — пеняй на себя.

— Не поползёт! Он воспитанный. Правда, господин Усач? — Буся поднесла жука к уху, делая вид, что слушает. — Он говорит: «Конечно».

— Он ничего не говорит.

— Он говорит, но ты не слышишь, потому что у тебя уши заняты самомнением.

Мирон поперхнулся.

— Это где ты такого набралась?

— У тебя, — безмятежно ответила Буся и запрыгала вперёд.

Алиса, шедшая позади, тихо рассмеялась. Она смотрела на эту парочку — большого серого кота и маленького пушистого зверька с жуком на лапке — и понимала, что, несмотря ни на что, жизнь в Волшебном Доме становится всё более похожей на то самое «настоящее», ради которого стоит просыпаться по утрам.

Вечером, когда вернулись, Андрон встретил их на пороге с тревожной вестью:

— Осина приходил, — сообщил он, не дав Алисе даже снять полушубок. — Говорит, у северной границы начали распускаться цветы. Но не простые — чёрные. И пахнут они... как погреб.

— Как погреб? — переспросила Алиса.

— Ну, как сырая земля и старые корни. И ещё, говорит, из-под земли слышен не только шёпот. Теперь там кто-то ходит.

— Люди?

— Не люди. Что-то крупное. Следы, как от медведя, только когти длиннее. И в этих следах не вода — чёрная жижа.

Мирон насторожился.

— Это не просто дерево болеет, — тихо сказал он. — Это кто-то хочет, чтобы дерево умерло. И этот кто-то не остановится на корнях.

Алиса посмотрела на карту, которую дала Валентина Павловна, на значок «Здесь земля стонет» и на чёрные цветы за окном, которых не было видно, но которые уже существовали где-то на северной границе.

— Завтра идём туда, — сказала она. — Хватит ждать.

— А как же господин Усач? — спросила Буся, прижимая к груди жука.

— Господин Усач останется дома. С Андроном. Присматривать за печью.

— Но он же скучать будет!

— Он будет не скучать, а нести боевое дежурство, — вмешался Мирон. — Это почётная должность для жука. Не каждый жук устаивается охранять дом.

Буся задумалась, потом кивнула.

— Ладно. Пусть охраняет. Но только если Андрон даст ему крошку хлеба.

— Дам, — пообещал домовый. — И хлеба, и молока в блюде. Чтобы нёс службу бодро. Так и порешили.

Ночью, когда все уснули, Алиса ещё долго лежала без сна, глядя в потолок. На сердце было тревожно, но не безнадежно. Она знала: впереди — тьма, но за спиной — дом, друзья и маленький пушистый дух, который верит, что всё будет хорошо.

И, как ни странно, от этого становилось спокойнее.

Конец третьей главы.

В следующей главе: Алиса и её отряд отправляются к северной границе, где их ждут чёрные цветы, странные следы и первая встреча с тем, кто хочет погубить древнее дерево.

Буся проявит неожиданную храбрость, а Мирон — удивительную нежность, которую тщательно скрывает.

Глава 4. В которой отряд выходит к северной границе, а чёрные цветы оказываются не просто цветами

Вышли затемно, когда небо только начало сереть и туман ещё лежал в низинах, как пролитое молоко. Алиса шагала первой, и её сапоги оставляли на мокрой от росы траве чёткие, решительные следы. За ней, ступая почти бесшумно, шёл Осина — леший, как всегда, возникший из леса в самый нужный момент, словно он не уходил вовсе, а ждал за ближайшей елью. Мирон замыкал процессию, а на его спине, вцепившись лапками в шерсть и свесив уши набок, ехала Буся. Она то вертела головой, то припонижалась, то внезапно начинала шептать что-то на ухо Мирону, отчего тот дёргал ухом и шипел: «Отстань».

— Это не я, — оправдывалась Буся. — Это у меня мысли громкие.

— У тебя не мысли, а погремущка, — ворчал кот. — Всё время брякает.

— Зато весело. Вот ты бы шёл и молчал, как пень. А со мной — как с песней.

— С какой ещё песней?

— С хорошей. Про зайцев.

— Я не хочу про зайцев.

— А про ежей?

— Тем более.

— Про жуков?

— Буся!

— Всё, молчу. Но только учти: если я буду молчать, мне станет скучно, а если мне станет скучно, я начну грызть твой хвост. Это не угроза, это факт.

Мирон вздохнул так, словно на него взвалили все беды мира, и процедил:

— Ладно. Рассказывай про зайцев.

И Буся, счастливая, затараторила. Алиса, слушая её щебет, невольно улыбалась. В этом было что-то правильное: идти через тёмный лес, зная, что за спиной кто-то рассказывает глупости про зайцев. Такой вот якорь в мире живых.

Лес по мере продвижения к северной границе менялся. Сначала это был знакомый, приветливый лес, полный птичьего гомона и запаха смолы. Потом деревья стали выше и мрачнее, их ветви переплелись так густо, что небо скрылось вовсе. Трава под ногами поредела, сменилась мхом, который пружинил, как старая перина. А потом появились цветы.

Они росли не кучками и не полянками — а поодиночке, как солдаты на параде. Высокие, по колено, на толстых, бледных стеблях. Лепестки у них были чёрными, как вороново крыло, но не сухими, а сочными, блестящими, и в их глубине переливался тёмно-фиолетовый оттенок. Пахли они и впрямь как погреб: сырой землёй, прелой листвой и чем-то затхлым, что бывает в давно не открываемых подвалах.

— Они красивые, — тихо сказала Буся, свешиваясь с Мирона. — Но от них мурашки.

— У тебя от всего мурашки, — проворчал кот, но было заметно: ему и самому не по себе.

— Не от всего. От тебя, например, не мурашки. От тебя — тепло.

— Замолчи, — буркнул Мирон, но хвост его предательски дрогнул.

Осина остановился и поднял руку. Все замерли.

— Дальше — их больше, — произнёс леший. — Чёрные цветы растут там, где земля гниёт. Они не просто пахнут смертью. Они её пьют.

— Как это — пьют? — спросила Алиса.

— У них корни, как щупальца. Они тянутся к тому, что уже начало умирать, и высасывают последнюю силу. Дерево, которое растёт у северной границы, болеет. И эти цветы — его болезнь. Если мы не остановим их, через месяц здесь будет пустошь.

— А следы? Следы того, кто ходит?

— Там, впереди. У самого корня.

Они двинулись дальше, теперь уже осторожно, огибая чёрные цветы, которые, казалось, поворачивали головки им вслед. Буся ехала на Мироне, вцепившись в его шерсть так, что побелели лапки.

— А они смотрят, — прошептала она. — Прямо на меня.

— Не бойся, — сказал Мирон, и в его голосе не было ни иронии, ни насмешки. — Я рядом.

— Я не боюсь. Просто мне кажется, что они хотят меня съесть.

— Они цветы, а не людоеды.

— Ну, знаешь, некоторые цветы очень даже. Я в лесу видела росянку. Она муху съела. Муха была большая, солидная. А меня-то точно на пару укусов хватит.

— Тебя не хватит. Ты бессмертная, как комар.

— Это я да! — Буся приободрилась. — У меня живучесть повышенная.

Наконец лес расступился, и перед ними открылась поляна. Вернее, то, что когда-то было поляной, а теперь стало чем-то вроде поля боя. Земля здесь была изрыта, как будто по ней прошлись гигантским плугом. Кое-где чернели глубокие провалы, из которых поднимался всё тот же пар — белый, влажный, пахнувший подземельем. Чёрные цветы здесь росли уже сплошным ковром, и их запах был так густ, что кружилась голова.

А в центре поляны стояло дерево.

Алиса никогда не видела ничего подобного. Оно было огромным — не в высоту даже, а вширь, словно росло не вверх, а во все стороны сразу. Его ствол, толщиной с три обхвата, был покрыт корой, которая в предраассветном сумраке отливала серебром. Ветви, как руки, тянулись к небу и к земле одновременно, сплетаясь в причудливые узлы. А корни... корни выходили из-под земли и снова уходили в неё, как будто дерево не стояло на земле, а обнимало её.

И всё это великолепие было поражено болезнью. Кора на стволе потрескалась, из трещин сочилась тёмная, смолистая жидкость. Часть ветвей почернела и скрючилась. А вокруг, у самого основания, земля просела, образовав широкую воронку, в которой копошились чёрные корни цветов, оплетая живые корни дерева, как змеи.

— Вот оно, — прошептал Осина. — Древо-Страж. Одно из трёх, что держат границу. Два других пали давно. Это — последнее.

— И оно умирает, — добавил Мирон, спрыгивая с корней и позволяя Бусе скатиться на землю.

Буся, однако, не стала скатываться. Она стояла как вкопанная, глядя на дерево, и в её глазах отражался не страх, а что-то иное. Узнавание.

— Я его знаю, — прошептала она. — Оно меня звало. Во сне.

Алиса вспомнила: когда Буся впервые пришла к Дому, она была мокрой, голодной и всё время бормотала что-то про большое дерево, которое «плачет». Тогда все подумали, что это просто бред ослабшего зверька. А выходит, она и правда слышала зов.

— Что оно говорит сейчас? — спросила Алиса.

Буся прислушалась, склонив голову набок.

— Оно не говорит. Оно стонет. Ему больно. Цветы пьют его корни.

В этот момент из-за ствола дерева, из тени, вышло нечто.

Сначала Алисе показалось, что это медведь — такой же крупный, с мощными лапами и низко посаженной головой. Но потом существо разогнулось, встало на задние лапы, и стало видно: это не зверь. Вернее, не совсем зверь. Ростом оно было с небольшого лешего, тело покрыто густой, свалявшейся шерстью, но лицо... лицо было человеческим. Искажённым, вытянутым, с глубоко посаженными глазами, в которых не было ничего, кроме голода.

— Вот и хозяин цветов, — глухо произнёс Осина.

Существо зарычало — низко, утробно, и от этого рыка чёрные цветы вокруг закачались, как от ветра.

— Это не хозяин, — вдруг сказала Буся, и голос её прозвучал неожиданно твёрдо. — Это пленник. Оно тоже страдает. Цветы росли в него. Они им управляют.

— Откуда ты знаешь? — удивился Мирон.

— Я вижу. У него в груди — цветок. Большой, чёрный, с белыми прожилками. Он пустил корни в сердце.

Алиса пригляделась — и правда: в груди существа, там, где должна была быть грудная клетка, просвечивало что-то тёмное, пульсирующее. Цветок-паразит.

— Его нужно освободить, — продолжала Буся. — И тогда цветы потеряют силу.

— Как освободить? — спросил Осина.

— Вырвать цветок. Но осторожно, иначе сердце остановится.

Алиса уже рылась в сумке. Травы, нож, фляга с родниковой водой. Она не была целительницей, но кое-что из книги Серафимы помнила.

— Мирон, отвлеки его. Осина, держи цветы. Буся, — она посмотрела на зверька, — ты пойдёшь со мной. Ты будешь говорить с ним, пока я буду резать.

— А что говорить?

— Что-нибудь доброе. Он сто лет не слышал добрых слов.

Буся расправила плечи и, пересилив страх, вышла вперёд.

— Здравствуйте, — сказала она, глядя на существо. — Меня зовут Буся. Я — дух леса. Ну, почти. Я знаю, вам больно. Я тоже иногда болею. Вот недавно я объелась желудями и думала, что лопну. Но потом поспала, и всё прошло. Вам тоже надо поспать. Но сначала — мы вытащим из вас эту гадость. Потерпите, пожалуйста. Это будет немножко больно, как занозу вытаскивать. Вы когда-нибудь занозы вытаскивали? Вот, примерно так же.

Существо перестало рычать. Оно смотрело на Бусю, и в его мутных глазах что-то дрогнуло — не разум, но тень разума.

— Иди, — шепнула Алиса.

Она подошла к существу, выбрав момент, когда Мирон прыгнул и вцепился в его правую лапу, отвлекая. Осина, разросшись до размеров дуба, обхватил левую. Существо взревело, попыталось вырваться, но хватка была крепкой.

Алиса вонзила нож в то место, где пульсировал цветок, и, действуя одним точным движением, поддела корни. Существо взвыло. Чёрный цветок в его груди задрожал, запульсировал быстрее, пытаясь уйти глубже. Но Алиса держала.

— Буся! — крикнула она. — Говори с ним! Не замолкай!

— Эй, вы! — Буся подбежала ближе. — Не бойтесь! Я тут! Я вас не брошу! Вы только не дёргайтесь! Я знаю, как это противно, когда внутри что-то шевелится! У меня однажды в носу муха застряла! Я три дня чихала! Но потом она вылетела, и стало хорошо! И у вас вылетит! Только не мешайте!

Нож Алисы резал, раздвигал, разрывал. Чёрный цветок сопротивлялся, издавал тонкий, противный писк, но наконец с отвратительным чавкающим звуком вышел наружу. Алиса отшвырнула его в сторону, и Осина тут же наступил на цветок, раздавив в лепёшку.

Существо обмякло. Мирон отпустил его лапу, Осина отступил. Некоторое время все молча смотрели, как по груди существа, там, где только что был цветок, растекается чёрная кровь, сменяясь обычной, алой.

— Жить будет, — произнёс Осина. — Такие твари живучие.

— Оно не тварь, — тихо поправила Буся. — Оно — лесной дух. Его просто заколдовали.

И правда: с существа начали осыпаться чёрные цветы, которыми оно было усеяно, и под ними показалась шерсть — не серая, не бурая, а тёплого, рыжевато-коричневого оттенка. Существо засто-

нало и, пошатываясь, поднялось на задние лапы. Теперь, без паразита, оно выглядело иначе: меньше, тоньше, и в глазах вместо голода появилось что-то похожее на благодарность.

— Спасибо, — произнесло оно хрипло, и слово это далось ему с трудом, как будто он не говорил много лет. — Я был... в плену. Цветы нашли меня в овраге. Я подумал — красивые. Понюхал. А они... выросли.

— Это не твоя вина, — сказала Алиса. — Такие цветы не прощают любопытства. Теперь, когда корень-паразит уничтожен, остальные потеряют силу. Но дерево нужно очистить.

— Я помогу, — существо прижало лапу к груди, где уже затягивалась рана. — Я знаю, где их главный корень. Он в воронке, у основания.

Они спустились в воронку. Чёрные цветы, лишённые питания, начали вянуть на глазах, но у самых корней дерева ещё копошились их змеиные стебли. Алиса, вооружившись ножом и травами, принялась вырезать их, окутывая корни защитным настоем. Буся, как могла, помогала — выкапывала маленькие, особенно наглые отростки и отгрызала их (плевалась, но продолжала). Осина разводил чёрные стебли руками, не боясь их яда. Мирон, облизывая пострадавшую в бою лапу, руководил:

— Левее, Митрофанова. Вот тут ещё один вцепился, как клещ. Да не рви так! Отпусти его корень! Он же в землю уходит!

— Спасибо, что так толково объясняешь, — огрызнулась Алиса. — Может, сам попробуешь?

— Я боевой фамильяр, а не садовник.

— А я — ведьма, а не хирург. Но приходится.

Через час, когда последний чёрный стебель был отделён от дерева, из-под корней вдруг вырвался луч света. Не яркий, не слепящий, а мягкий, золотистый, тёплый, как летнее утро. Дерево вздохнуло — и все услышали этот вздох, не ушами, а сердцем. Оно расправило ветви, кора на стволе посветлела, и в воздухе поплыл запах не погребя, а распустившихся почек.

— Оно благодарит, — прошептала Буся, прижимаясь к стволу. — Говорит, что теперь будет спать спокойно.

— Пусть спит, — улыбнулась Алиса. — Оно заслужило.

Возвращались через лес, уже освещённый утренним солнцем. Чёрных цветов больше не было — только пожухшие, полупрозрачные стебли, рассыпающиеся в пыль под ногами. Лес снова был прежним: зелёным, шумным, полным жизни. Птицы распевали так, будто наверстывали упущенное. Где-то вдалеке стучал дятел.

— Хороший день, — сказала Алиса, глядя на просветы между деревьями.

— Ага, — согласилась Буся, которая снова ехала на Мироне. — Мы спасли дерево. И того дядьку с цветком. И, наверное, весь лес.

— Ты сегодня была молодцом, — неожиданно серьёзно произнёс Мирон.

Буся аж поперхнулась.

— Ты меня похвалил? — недоверчиво переспросила она.

— Нет, — тут же пошёл на попятный кот. — Я сказал «молодцом». Это констатация факта, а не похвала.

— А по-моему, похвала.

— Ну, считай как хочешь.

— Тогда и ты молодец! — Буся чмокнула его в макушку. — Ты так грозно рычал, что у меня аж шерсть дыбом!

— Это от умиления.

— Да? А я думала, от страха.

— Я не страшный, — обиделся Мирон. — Я грозный.

— Грозный-грозный, — согласилась Буся. — Но когда мурчишь, как чайник, — совсем не грозный.

- Я не мурчу!
- Мурчишь. Я слышала.
- Это у меня в животе бурчит.
- От умиления?
- От голода!

Осина, шедший рядом, тихо рассмеялся — низким, раскатистым смехом, похожим на шум ветра в кронах.

- С вами не соскучишься, — сказал он.
- Это точно, — отозвалась Алиса. — Скука нам не грозит.

У самого Дома их встретил Андрон. Он стоял на крыльце, прижимая к груди глиняный горшок, и выглядел невероятно гордым.

— А у нас новости! — объявил он, едва они подошли. — Во-первых, господин Усач съел весь хлеб. Во-вторых, к вам гость. Пришёл час назад. Сидит в горнице, пьёт чай. Говорит, что он — коллекционер.

— Коллекционер чего? — насторожилась Алиса.

— Говорит — старинных вещей. Но, по-моему, он просто странный. У него руки холодные, как у покойника.

Алиса переглянулась с Мироном.

— Интересно, — медленно произнесла она. — Очень интересно.

И, поправив растрепавшиеся волосы, шагнула в дом.

Конец четвёртой главы.

В следующей главе: таинственный гость-коллекционер оказывается не тем, за кого себя выдаёт, а его интерес к старинным вещам напрямую связан с картой реки, переданной Алисе. Буся устроит допрос с пристрастием, а Мирон выяснит, что у холодных рук бывают длинные намерения.

Глава 5. В которой гость оказывается холоднее, чем кажется, а старый гребень хранит не только волосы

В горнице пахло чаем, но не обычным — а каким-то чужим, терпким, с горчинкой, как будто в заварку подмешали сушёной полыни и ещё чего-то, чему Алиса не сразу нашла название. На столе, рядом с самоваром, стояла чужая кружка — тонкого фарфора, с золотым ободком, явно не из Андроновой коллекции. Напротив, на лавке, выпрямив спину и положив руки на колени, сидел человек.

Он был невысок, худощав, одет в тёмно-серый костюм, который сидел на нём как-то слишком аккуратно, словно его сшили не для живого человека, а для восковой фигуры. Лицо — узкое, бледное, с тонкими губами и аккуратным, будто нарисованным пробором в пепельных волосах. Возраст угадывался с трудом: то ли сорок, то ли шестьдесят, а то и все сто, если бы не гладкая кожа без единой морщины. Глаза — светло-карие, почти жёлтые, смотрели на Алису с выражением вежливого, но цепкого интереса, как у оценщика в ломбарде.

— Добрый день, — произнёс он, приподнимаясь, и голос у него оказался тихий, вкрадчивый, с лёгкой хрипотцой, как у человека, который много говорит вполголоса. — Простите за незваный визит. Ваш... — он чуть запнулся, покосившись на Андрона, — ваш домочадец любезно позволил мне подождать.

— Это я-то любезно? — возмутился Андрон из-за печи. — Да я ему три раза сказал: сиди и не трогай ничего! А он всё равно к сундуку подходил!

— Я всего лишь любовался резьбой, — гость развёл руками, и в этом жесте было столько фальшивой невинности, что даже Буся, сидевшая на подоконнике, подозрительно прищурилась.

— А зачем вы к сундуку подходили? — спросила она, свесив лапки. — Там не резьба, там замок. Замки не для любования, а для запираания.

Гость перевёл взгляд на Бусю, и в его жёлтых глазах на мгновение мелькнуло что-то острое.

— Какое милое существо, — произнёс он. — И такое... говорливое.

— Это у нас семейное, — отрезал Мирон, входя в горницу и вставая между гостем и Буськой. — Вы кто, собственно, такой?

— Меня зовут Аркадий Львович Прохоров, — гость слегка поклонился, но не Мирону, а Алисе. — Я коллекционер. Собираю старинные вещи, связанные с... как бы это выразиться... с народными верованиями. Амулеты, обереги, предметы с историей. Мне сказали, что вы — человек, который разбирается в подобных материях.

— Кто сказал? — спросила Алиса, садясь напротив.

— Одна моя знакомая. Маргарита Аркадьевна. Вы, кажется, встречались.

В горнице повисла тишина. Настолько плотная, что слышно было, как за окном шелестит листвою берёза. Мирон напрягся, как перед прыжком. Андрон, стоявший у печи, перестал дышать. Буся, почувствовав перемену, перестала болтать лапками и замерла.

— Вы знакомы с Гольц? — медленно произнесла Алиса, не сводя глаз с гостя.

— Не то, чтобы знакомы, — Прохоров чуть улыбнулся. — У нас были... деловые отношения. Она хотела купить у меня одну вещь. Очень редкую. Но мы не сошлись в цене.

— И теперь вы пришли ко мне?

— Теперь я пришёл к вам, — он наклонился вперёд, и от него вдруг пахнуло холодом — тем самым, который Алиса уже научилась распознавать. Холодом старого серебра, каким веет от предметов, пролежавших в земле слишком долго. — Видите ли, Алиса, я много лет собираю то, что другие выбрасывают. И за эти годы я понял одну важную вещь: у каждой вещи есть хозяин. Настоящий хозяин. И если вещь попадает не в те руки, она начинает... болеть. А вместе с ней болеет и то, что её окружает.

— Красиво говорите, — заметила Заряна, которая всё это время стояла в дверях, скрестив руки. — И складно. Только вот беда: красивые речи чаще всего прикрывают некрасивые намерения.

Прохоров перевёл взгляд на неё, и на его лице мелькнуло узнавание.

— Заряна, — произнёс он. — А я всё думал, куда вы подевались. Слухи ходили, что вы погибли. А вы, оказывается, обитаете здесь.

— Я не обязана перед вами отчитываться, — холодно ответила Заряна. — И вам, Прохоров, я бы не советовала играть со мной в эти игры. Я знаю таких, как вы: заходите в дом, говорите о вещах, а сами прицениваетесь к душам.

— Что вы, что вы, — Прохоров поднял руки в примирительном жесте. — Я не такой. Я всего лишь скромный собиратель. И пришёл я, между прочим, с предложением, которое может быть вам выгодно.

— Каким? — спросила Алиса.

— Я хочу купить у вас одну вещь. Точнее, не совсем вещь. Скорее — информацию. Мне нужна карта. Старая карта реки, которую, как мне стало известно, вы недавно получили от одной милой женщины.

Алиса похолодела. Карта, подаренная Валентиной Павловной, всё ещё лежала в её сумке. О ней знали только она, Андрон, Мирон и, возможно, Буся, которая вечно всё подслушивает. Но Прохоров знал. Значит, за ними следили.

— Откуда вам известно о карте? — спросила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— У меня есть свои источники, — уклончиво ответил гость. — Не будем о грустном. Я предлагаю вам хорошую цену. Деньги, артефакты, защита от... скажем так, нежелательных визитёров. Всё, что пожелаете.

— А если я откажусь?

Прохоров вздохнул, словно разговаривал с несмышлёным ребёнком.

— Тогда, боюсь, карта найдёт другого хозяина. Сама. А это, поверьте, может быть... некомфортно. Вещи с характером не любят, когда их прячут в сумках.

Буся, которая всё это время сидела тихо, вдруг спрыгнула с подоконника и подошла к Прохорову. Тот напрягся, но не отодвинулся.

— А вы когда-нибудь пробовали мёд из одуванчиков? — спросила она ни с того ни с сего.

— Простите?

— Ну, мёд. Из одуванчиков. Жёлтенький. Сладкий. Мне Андрон обещал сделать. А вы так и не попробовали, да?

Прохоров опешил. Он явно не ожидал такого поворота.

— Не пробовал, — осторожно ответил он.

— Вот и зря, — Буся села у его ног и задрала мордочку. — Потому что если бы попробовали, вы бы не были таким холодным. Мёд согревает. Особенно изнутри.

Она помолчала, а потом добавила:

— А ещё мёд липкий. Если им намазать руки, к ним прилипает всё подряд. Даже то, что хочется спрятать.

И она потянулась лапкой к его рукаву. Прохоров отшатнулся так резко, что едва не упал с лавки.

— Не трогайте меня! — воскликнул он, и в его голосе впервые прорвались нотки, похожие на страх.

— Ой, — Буся сделала невинные глаза. — А что это у вас в рукаве? Оно шевелится.

Все посмотрели на рукав. Тот действительно слегка подрагивал, хотя в горнице не было ни ветра, ни сквозняка. Прохоров поспешно одёрнул его и встал.

— Я вижу, разговор не клеится, — произнёс он, поправляя манжет. — Что ж, не смею больше злоупотреблять вашим гостеприимством. Но моё предложение остаётся в силе. Подумайте. Я вернусь.

— Не сомневаюсь, — сухо ответила Алиса.

Он направился к двери, но на пороге обернулся.

— Кстати, — сказал он, глядя на Бусю, — ваша зверюшка очень... наблюдательна. Берегите её. Такие существа долго не живут.

Мирон в один прыжок оказался между Прохоровым и Буськой.

— Если ты ещё раз посмотришь на неё так, — прорычал он, — я лично проверю, что у тебя в рукаве. И не только в рукаве.

Прохоров улыбнулся — вежливо, но холодно, — и вышел.

Дверь закрылась. В горнице стало тихо.

— Ну и тип, — первым нарушил молчание Андрон. — Аж мурашки по лаптям.

— У него в рукаве был мотылёк, — вдруг сказала Буся, глядя на дверь. — Большой, серый, с глазами на крыльях. Он смотрел на меня и шевелил усиками.

— Мотылёк? — переспросила Алиса. — Ты уверена?

— Угу. Он был неживой. Но двигался. И ещё он пах так же, как цветы у дерева. Чёрные. Все переглянулись. Это меняло дело.

— Прохоров связан с чёрными цветами, — медленно произнесла Заряна. — Или, по крайней мере, знает о них. Возможно, он один из тех, кто их выращивает.

— И ему нужна карта, — добавил Мирон. — Зачем?

Алиса достала из сумки свёрток Валентины Павловны. Аккуратно развернула. На старой, пожелтевшей бумаге, среди извилистых линий реки и условных значков, краснела пометка: «Здесь земля стонет. Не ходить».

— Потому что на карте указаны места разломов, — тихо сказала она. — Точки, где земля истончается. И если Департамент или те, кто за ним стоит, хотят открыть ещё одну дверь, им нужны именно такие места.

— И что мы будем делать? — спросил Андрон.

— Для начала — спрячем карту так, чтобы её не нашёл даже самый настырный коллекционер, — Алиса сложила лист и сунула его за пазуху. — А потом... потом будем думать.

Буся, снова забравшаяся на подоконник, тихо произнесла:

— Он сказал, что такие, как я, долго не живут. Это угроза?

— Это пустые слова, — отрезал Мирон. — Ты не просто «такая». Ты — наша. А наших не трогают. Запомни это.

— Запомню, — Буся улыбнулась. — И мёда из одуванчиков тебе оставлю. Чтобы ты был тёплым.

— Я и так тёплый.

— Ну, тогда чтобы был ещё теплее.

Мирон ничего не ответил, только фыркнул и улёгся под подоконником, на котором сидела Буся. Так, чтобы видеть и её, и дверь.

Ночь прошла спокойно, но Алиса долго не могла уснуть. Она лежала и думала о Прохорове, о карте, о чёрных цветах, которые, как выяснилось, умели не только пить жизнь, но и ходить за своими хозяевами. О том, что теперь у неё есть враг, который носит мотыльков в рукаве и предлагает ей защиту, от которой, возможно, сама она когда-нибудь будет отбиваться.

А утром, когда первые лучи заглянули в окна, она проснулась от странного звука. Будто кто-то пел. Тонко, протяжно, на одной ноте. Песня доносилась из леса. И в ней слышалось одно-единственное слово, повторявшееся снова и снова:

— Иди...

Алиса встала, подошла к окну и распахнула ставни. У опушки, среди деревьев, стояла женщина в белом. Лицо её было закрыто волосами, а руки висели плетями. Она не двигалась, но песня её заполняла весь лес.

— Заряна, — позвала Алиса, не оборачиваясь. — У нас гостья.

Заряна, уже стоявшая у неё за спиной, побледнела.

— Это не гостья, — прошептала она. — Это вестница. И она поёт о том, что кто-то уже вышел на тропу.

— Какую тропу?

— Ту самую, что отмечена на карте. Тропу, ведущую к разлому.

Алиса сжала огарок в кармане. Холодно не было. Было тревожно. И в этой тревоге, как ни странно, слышался азарт.

— Что ж, — сказала она, закрывая ставни. — Раз кто-то вышел на тропу, пойдём и мы. Нельзя заставлять ждать.

Конец пятой главы.

В следующей главе: отряд отправляется по карте к месту разлома, чтобы выяснить, кто поёт в лесу и почему тропа «оживла». Бусе предстоит показать, на что способен её дар, а Мирону — принять решение, которое изменит его отношение к маленькой подопечной навсегда.

Глава 6. В которой тропа оживает, а Буся узнаёт, что у страха глаза велики, зато у храбрости лапки маленькие

Дорога к разлому, отмеченному на карте Валентины Павловны, шла вдоль реки, то приближаясь к воде, то отступая в лес, где пахло прелью и прошлогодней листвой. Солнце, поднявшееся уже довольно высоко, упорно пробивалось сквозь кроны, и от этого на земле пля-

сали золотые пятна, похожие на рассыпанные монеты. Птицы, как ни в чём не, бывало, пели, перекликались, и где-то у самого берега однообразно, как заведённый, куковал кукушонок.

Но Алиса не обманывалась этим спокойствием. Она чувствовала: лес поёт не просто так. Он пел тревожно, с надрывом, словно старался заглушить что-то, что шло из-под земли.

— Она всё ещё идёт за нами, — негромко произнесла Заряна, не оборачиваясь.

Алиса кивнула. Женщина в белом действительно шла следом — не приближаясь, но и не отставая. Она скользила между деревьями, не касаясь ногами земли, и её волосы, длинные, спутанные, закрывали лицо, как занавес. Время от времени она начинала петь — всё ту же тягучую, однообразную ноту, в которой угадывалось слово «иди». И от этого пения у Алисы мурашки бежали по спине.

— Может, её того... прогнать? — предложила Буся, сидевшая на спине у Мирона. — Я умею грозно рычать. Вот так: р-р-р!

Получилось не грозно, а скорее смешно — будто котёнок чихнул. Мирон фыркнул.

— Это не рычание, а недоразумение. Сиди уж.

— А что? — обиделась Буся. — Между прочим, некоторые от моего рыка в обморок падали!

— Кто?

— Ну... бабочка одна. И ещё гусеница. Но гусеница, по-моему, просто спала.

— Вот именно. Твоё рычание усыпляет, а не пугает.

— Зато успокаивает! Это тоже полезно. Может, та тётенька в белом перестанет петь, если я ей порычу? Уснёт — и отстанет.

Заряна, слушавшая их, не сдержала улыбки.

— Вестниц не усыпить, Буся. Они не живые в обычном смысле. Это, скорее, эхо чьей-то беды. Они приходят, когда где-то открывается рана, и поют, пока рана не затянется.

— А если рану затянуть, она уйдёт?

— Да. Но для этого нужно найти источник.

— Так мы и идём! — Буся оживилась. — И затянем! Я буду помогать! У меня лапки цепкие!

— Ты вчера пыталась затянуть дырку в моём свитере и запуталась в нитках, — напомнил Мирон.

— Это потому, что свитер был слишком большой! А рана, может, маленькая.

— Ох, чует моё сердце, — кот вздохнул, — не маленькая.

Осина, который шёл впереди, вдруг поднял руку, призывая к тишине. Все остановились. Лес здесь был реже, и сквозь стволы уже виднелся просвет — там, впереди, стоял дом.

Это была старая изба лесничего — крепкая, хоть и покосившаяся, с замшелой крышей и одиноким флюгером в виде петуха на трубе. У крыльца росли высокие лопухи, а на верёвке, натянутой между берёзами, сушилось бельё. Но не это привлекло внимание Алисы. Возле дома, на скамейке, сидела маленькая девочка и плакала, размазывая по щекам слёзы.

— Люди, — тихо сказал Осина. — Не маги. Простые.

— Подойдём? — спросила Алиса.

— Надо. Лес привёл нас сюда не просто так.

Девочка, заметив их, испуганно вскочила и прижалась к забору. Ей было лет восемь, не больше. Белобрысая, худенькая, в застиранном ситцевом платье, с голыми коленками, поцарапанными о кусты. Она смотрела на пришедших огромными, заплаканными глазами, в которых плескался самый настоящий ужас.

— Вы кто? — пролепетала она. — Вы тоже пришли, чтобы смеяться?

— Никто не будет смеяться, — мягко сказала Алиса, присаживаясь перед ней. — Меня зовут Алиса. Я... помогаю. Что у тебя случилось?

Девочка всхлипнула и вытерла нос рукавом.

— Тень. У меня пропала тень.

— Как это — пропала? — не поняла Буся, спрыгнув с Мирона.

— Утром вышла во двор, а её нет. Стою, солнце светит, а тени у меня нету. Соседские мальчишки смеются, кричат: «Оля бестеневая! Оля бестеневая!». А бабка Фрося сказала, что это к беде, что раз тень ушла, значит, душа ушла следом.

Оля снова заплакала. Буся, недолго думая, подошла к ней и положила лапку на её колено.

— Не плачь, — сказала она. — Мы твою тень найдём. Я тоже однажды теряла тень. Правда, это было, когда я бежала от ежа и забыла её в малиннике. Но она потом сама прибежала, только немножко колючая.

Девочка удивлённо уставилась на говорящего зверька, но, как ни странно, плакать перестала.

— Как тебя зовут? — спросила Алиса.

— Оля.

— Оля, расскажи, что было вчера вечером. Может, ты ходила куда-то? Гуляла у реки? Или в лес заходила?

Оля шмыгнула носом.

— Вчера... вчера мы с мамой ходили к речке, за щавелем. Там, у старой ивы. И я видела, как из воды кто-то вышел. Не человек. Такое... тёмное. Я испугалась и убежала. А мама не видела. Она говорила, что я выдумываю.

— Это не выдумки, — Алиса нахмурилась. — Тёмное из воды — это, возможно, утопленник-неуспокоенный. Или водяной гневный. А у тебя тень могла от страха отделиться. Так бывает с детьми, у которых дар, даже неразбуженный.

— У меня нет дара, — прошептала Оля. — Я обычная.

— Обычные не видят тёмное из воды, — возразила Заряна. — Ты видела. Значит, в тебе есть искра.

— И что теперь делать?

— Вернём твою тень, — уверенно заявила Буся. — Вот увидишь.

Они спустились к реке. Место у старой ивы выглядело самым обычным: тихая заводь, заросшая кувшинками, нависающие над водой ветви, мостки, с которых рыбаки, должно быть, ловят карасей. Но Алиса, едва ступив на берег, почувствовала: земля здесь дышит не так, как надо. Словно под травой, на глубине, что-то ворочалось.

— Здесь, — сказала она. — Разлом подходит близко к поверхности. Поэтому и твари из воды выходят.

— Какие твари? — шёпотом спросила Оля.

— Те, что живут на границе. Им тоже неудобно, когда земля болеет. Они выходят и пугают людей. И твоя тень, скорее всего, не сама ушла. Её выманили.

— Кто?

— Тот, кого ты видела. Тёмный из воды. Он питается страхом. А тень испуганного ребёнка — для него как мёд.

Буся при этих словах возмущённо запыхтела.

— Значит, он ворует тени! Ну я ему задам! У меня лапки быстрые, а зубы острые!

— Зубы у тебя как у младенца, — проворчал МIRON. — Сиди и не геройствуй.

— А ты что предлагаешь? — Буся развернулась к нему. — Стоять и ждать, пока он ещё кого-нибудь напугает?

— Я предлагаю действовать по плану. Алиса, что нужно?

Алиса уже раскладывала на траве принесённое из сумки: маленькое медное зеркальце, пучок полыни, флягу с родниковой водой и красную шерстяную нить.

— Нужно провести обряд возвращения тени. Для этого придётся вызвать того, кто её забрал. Он придёт на страх. Значит, страх должен быть настоящий.

— Чей? — спросила Оля, бледнея.

— Мой, — неожиданно сказала Буся. — Я умею бояться очень натурально. Вот смотрите: а-а-а! Караул! Меня съели!

— Нет, — Алиса покачала головой. — Страх должен быть не театральный, а живой. Иначе тварь не приманится. Мы сделаем так: Оля вспомнит свой вчерашний страх, а я возьму его и перенесу на приманку.

Она взяла медное зеркальце, протёрла его полынью и поставила на пень, так, чтобы в нём отражалась вода.

— Оля, смотри сюда. Вспомни, как ты испугалась. Вспомни, как холод пошёл по спине, как ноги приросли к земле. Вспомни.

Девочка, закусив губу, уставилась в зеркальце. В её глазах снова поднялась волна вчерашнего ужаса. Воздух вокруг будто стал холоднее. Вода у берега пошла кругами, хотя ветра не было.

— Идёт, — тихо произнёс Осина. — Я его чую.

Из-под старой ивы, из тени, которая казалась гуще обычного, выползло существо. Небольшое, с лохматую собаку, но бесформенное, будто собранное из мокрого мха и речного ила. У него не было глаз, но было много ртов — маленьких, круглых, которые открывались и закрывались, как жабры. Оно двигалось медленно, приносясь, и от него пахло сырой землёй и рыбой.

— Это не тёмный, — прошептала Заряна. — Это... скопление. Множество маленьких духов, слипшихся в одного. Разлом их разбудил и сбил в ком.

— Они тоже напуганы, — вдруг сказала Буся, прижимаясь к ногам Алисы. — Я слышу. Они пищат.

И правда: если прислушаться, можно было различить тонкий, жалобный писк, доносившийся изнутри существа.

— Они не злые, — продолжала Буся. — Просто они потерялись. Их тропа выбросила.

Алиса опустила руку с огарком.

— Тогда не будем их пугать, — сказала она. — Будем их... расплетать.

— Как клубок? — удивилась Буся.

— Примерно.

Алиса налила в ладонь родниковую воду, окунула в неё палец и, начертив на земле круг, начала читать тихую, размеренную молитву, которую знала с детства от бабушки: «Вода-водица, сестрица, обмой, успокой, домой проводи...». Слова сами лились, перемежаясь с заговором из книги Серафимы. Полынь тлела, и горький дым стелился над водой, укрывая существо.

То, что было комом, начало медленно распадаться. Маленькие духи, похожие на светлячков, вылетали из него и растворялись в воздухе, возвращаясь туда, откуда пришли. С каждым из них писк становился тише, а вода в заводи чище.

Наконец остался только один — совсем крошечный, присевший на ладонь Алисе. Он был похож на пушистую точку и тихо звенел.

— Это твоя тень? — спросила Алиса, переводя взгляд на Олю.

Девочка кивнула, не отрывая глаз от ладони.

Алиса поднесла ладонь к земле, и тень скользнула вниз, растеклась у ног Оли тёмным пятном, а потом снова приняла её очертания. Девочка тихонько ахнула: тень была на месте.

— Получилось, — прошептала она. — Она вернулась.

— Никогда больше не убегай от неё, — улыбнулась Буся. — Тень — это не страшно. Страшно, когда её нет.

Оля, не выдержав, разрыдалась — уже от облегчения — и обняла Бусю, уткнувшись лицом в её шерсть. Буся на мгновение замерла, потом неумело погладила девочку по голове.

- Ну-ну, — пробормотала она, — я же говорила, что найдём. У меня на такие дела нюх.
- У тебя нос в молоке, — ввернул Мирон, но беззлобно.
- Зато сердце на месте, — парировала Буся.

Они проводили Олю до дома, где её уже ждала перепуганная мать, и коротко объяснили, что дочка просто переутомилась и что у реки лучше пока не гулять. Женщина благодарила их, прижимая к себе Олю, а Оля всё оборачивалась, махая рукой.

- Кажется, у нас появилась новая поклонница, — заметил Мирон.
- У нас? — уточнила Буся. — У меня!
- Ну конечно. У тебя и у господина Усача.
- Господин Усач дома. А вот я — здесь. И со мной вы все как за каменной стеной.
- Это точно, — фыркнул кот. — За каменной стеной из пуха и наглости.
- Стеной из пуха и наглости! — Буся засмеялась. — Звучит как название боевого приёма!

— Тебе только боевых приёмов не хватало.

— А что? Пух — он мягкий. Враг утопает и не может вылезти. А наглость — она такая: смотрит врагу в глаза и говорит: «Чего пришёл? Здесь занято!»

- Кошмар, — Мирон возвёл глаза к небу. — И за что мне это?
- За хорошее поведение, — хихикнула Буся.

Осина, шедший позади, негромко рассмеялся.

- У тебя замечательные спутники, Алиса, — сказал он. — С такими не пропадёшь.
- Не пропадём, — согласилась она.

Но мысль её была уже не здесь — у разлома, который ждал впереди, и у женщины в белом, которая снова запела, как только они отошли от дома лесника. Теперь её песня звучала ближе, и в ней, кроме слова «иди», слышалось ещё что-то. Тёмное, как вода в заводи до обряда.

— Вестница приближается, — напрягся Осина. — Значит, тропа к разлому открыта. Мы почти у цели.

Лес становился всё более чужим: деревья здесь росли криво, цепляясь корнями за камни, а мох был не зелёным, а бурым, как запёкшаяся земля. Земля под ногами стала мягкой, пружинила, и от каждого шага по ней расходились круги, будто шли по воде.

— Тут всё пропитано магией, — Заряна приложила ладонь к стволу сосны. — Древней, тёмной. Разлом не природный. Его кто-то сделал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.